

Около пяти лет спустя...

Неверный, мерцающий свет. Масляная лампа узка, сильно вытянута и просто невероятно тускла.

Огонёк слегка колышется, из-за чего тени раскачиваются, точно живые.

Комнатка и так столь мала, что для освещения достаточно единственного светильника, но сложенные вдоль стен стопки книг визуально делают её ещё более тесной.

За столом, на котором и стоит лампа, сидит старик в каштановой мантии. В свете тусклой лампы он составляет письмо.

Судя по размеру свитка, это не просто поздравительная записка – слишком уж тот объёмный. И, поскольку начальные строки давно скрылись в недрах рулона, а ткани осталось всего ничего, можно сделать вывод, что письмо это близится к завершению.

Внешность старика ничем не примечательна – подобных ему можно увидеть где угодно. Если и пытаться его как-то описать, то можно отметить лишь покрывающие лицо и руки возрастные пигментные пятна да жидкие седые брови.

Впрочем, одна отличительная черта есть – это выражение старческого лица.

Мужчина явно чего-то боится – он обильно истекает потом, а буквы выводит чересчур торопливо. Старик редко опускает в чернильницу перо, а когда чернила начинают подсыхать, просто смачивает их кончиком языка.

Да — он так спешил, что ему некогда даже было протянуть руку к чернильнице. В результате язык старика полностью окрасился в чёрный цвет.

Выводившая буквы левая рука заметно дрожала, и, когда текст под пером совсем уж пускался вразнос, старик сжимал её правой. Тем временем труд близился к концу, и вот, наконец, добрался до подписи.

Трах!

Покончив с письмом, старик рывком вскочил с места и подбежал к окну. В результате стул опрокинулся, а стол покачнулся, и на него пролились чернила. Мужчину, впрочем, это ничуть не обеспокоило. Поравнявшись с окном, старик схватил красную ленту и вот уже всюю перевязывал ей свиток.

Шуууу... – Висевшая у окна птичья клетка покачнулась, и две птицы принялись метаться по своему узилищу. Похоже, им тоже передалась нервозность старика.

Мужчина сунул руку в проём клетки и взял одну из них.

Руки дрожали, точно при приступе тремора. Но, вопреки состоянию, старик всё же сумел привязать письмо к птичьей лапке. Теперь осталось лишь выпустить её наружу.

Неверной рукой старик потянул на себя оконную створку. Окно приотворилось, и в комнату ворвался холодный ночной ветер.

Внизу всё тонуло в тумане. В воздухе ощущался лёгкий запах рыбы. Этот странный запах всегда можно уловить в те часы, когда до рассвета ещё далеко.

Старик потянул носом воздух, после чего выставил руки в окно. И, спустя миг, из них выпорхнула птица.

Пернатая расправила крылья и резко взмыла к небесам. Глаза старика глядели ей вслед с удовлетворением.

«Да, лети!!! Доставь моё письмо митрополиту!» – дребезжащим голосом проорал ей вслед пожилой мужчина.

Птица отозвалась криком, словно принимая его пожелание. С тем краем, куда направлялась белая посланница, связывались все надежды старика.

И вдруг!

Суисс! – Что-то сверкнуло в ночном воздухе и врезалось в парящую птаху. Брызнула алая кровь, и пернатая сломанной куклой ухнула вниз.

«Н-нет! Быть не может, они не могли добраться сюда так быстро!»

А может, старческое зрение, да ночной туман сыграли злую шутку? Старик в волнении протёр глаза, и вновь перевёл взгляд туда, где ещё недавно парила птица. Он долго вглядывался в тёмное небо, пытаясь её отыскать.

ГРОАР!

Хрясь! – В миг, когда старик решился высунуть в окно голову, снаружи послышался жуткий вопль и что-то врезалось в раму. Боже, какой тёмный и омерзительный монстр! Чудище одним прыжком достигло окна, расположившегося на высоте второго этажа, и впилося когтями в проём.

Тр-реск! – По обе стороны рамы отпечатались по шесть длинных борозд, оставленных мощными лапами пришельца.

ГРО-ООАР!

Ухватившись за раму и оттолкнув старика, монстр издал ещё один протяжный рёв. Затем, мельком зыркнув красными, сверкающими глазками на растянувшегося на полу мужчину, заскочил внутрь.

Вжух! Вжу-ух!

А монстров, как оказывается, не один и даже не два! Лёжа на полу, старик растеряно наблюдал, как в окно друг за другом протискиваются четверо или пятеро чудищ.

ГРОАР! ГРОООАР!

Монстр, прорвавшийся в комнату первым, ухватил старика за бедро и отшвырнул в сторону. Мужчина отлетел в угол, снося по пути стопки книг. Следом по ним протоптались лапы чудищ.

В шею старика ткнулась продолговатая морда и прокусила кожу до крови. Тем временем второе страшилище впилося в голень и одним движением укоротило её наполовину. Третий погрузил зубы в мягкие жировые складки живота.

Четвёртого заинтересовала голова. Зубы охватили и сантиметр за сантиметром принялись

вдавливаться в череп старика. Когда под давлением челюстей глазные яблоки вылезли из орбит, монстр слизнул их длинным языком и отправил в утробу. Ужинавший ногами старика монстр к этому моменту уже принялся за бёдра...

Мир стремительно приобрёл багровые тона!

Это последнее, что успел отметить умирающий старик. Его жизненные силы подошли к концу. Одновременно угас и огонёк масляной лампы, не выдержав ночного сквозняка...

У кромки леса, откуда издали виден расположившийся на холме монастырь.

В полный рост стоявший на верхних ветках мужчина стремительно спустился с дерева. Он обнажён по пояс, его подтянутая фигура бросается в глаза. Однако в лице всё ещё сохраняются юношеские черты.

Привычными движениями раскручивая кольца на руках, мужчина широким шагом двинулся вперёд.

Стоп! — Заметив останки погибшей птицы, он резко замер.

Это его кольцо сбило птаху сразу после того, как та выпорхнула из окна. Внимательно осмотрев тушку со всех сторон, мужчина удовлетворённо хмыкнул, обнажая белые зубы. Птица оказалась рассечена ровно пополам – от клюва до хвоста – с необычайной точностью. Срез вышел гладкий и ровный, точно от лезвия бритвы.

На парящих в небе птиц охотиться могут многие. Но далеко не у каждого выйдет столь филигранно располовинить добычу от кончика клюва до хвоста.

И тут некоторое время с гордым видом разглядывавший тушку мужчина вспомнил, зачем вообще сюда пришёл. Он проворно снял письмо с птичьей лапки и сунул себе за пояс.

Имя этого мужчины Кукран. Он воин Ноабского племени Адмун, проследовавший в эту далёкую страну вместе с Широном и Хейо. Ему уже девятнадцать, а всего через несколько месяцев он перешагнёт и двадцатилетний рубеж. Он боле не юноша, но уверенный в своих силах воитель.

Чуть больше года назад, когда Кукрану ещё было восемнадцать...

Утро конца ноября выдалось ясным. Ночью выпал снег, но не так, чтобы много. Может, с три-четыре пальца? Казалось, будто весь мир накрыло белым ковром!

Дул сильный ветер. Из-за него снег не был мягким, а образовывал тонкую ледяную корочку. Когда ступаешь в такой, ноги не погружаются в него как в пух, а продавливают с лёгким хрустом.

«Ну бли-ин! Это вообще не весело», – буркнула, поджимая губы, Луизетт.

Что бы ни пришлось ей не по душе, она набрала воздуха в рот, и надула щёчки.

Луизетт – маленькая девочка, ей в этом году исполняется шесть лет. И отец пообещал, что когда на улице выпадет снег, они отправятся играть в снежки. На мизинцах обещал, между прочим! И хоть Луизетт всё ещё ребёнок, к уговору отнеслась со всей серьёзностью и помнила хорошенько.

«Папа дурак! Обманщик...» - шаркнула с досадой ножкой девочка.

От движения сапожка горсть снега взмыла в воздух. И тут зловредный ветер решил дунуть в её сторону. В итоге подброшенный ногой снег прилетел ей прямо в лицо.

«Тьфу! Уи-ии, ну что это такое?»

Она всё ещё сердилась, и, когда получила порцию снега в лицо, на глаза сами собой навернулись слёзы. Раскрасневшиеся от холода щёчки стали непроизвольно подрагивать.

Луизетт задумалась - зареветь или нет? Но уже через миг выбросила это из головы, и даже забыла про обиды, потому что увидела, как вдаль кто-то подымается по заснеженному склону.

Путник неторопливо шагал по крутой тропе, вьющейся вокруг горы. Он ступал осторожно — вероятно опасался поскользнуться на заснеженной тропке.

Наряд странника выглядел столь естественно, что ни прибавить, ни отнять. На нём было длинное меховое пальто, а на голове - широкополая шляпа. На спине его висел узел с нашитыми по обе стороны лямками, а в руке был длинный посох.

«Ура, гость! К нам гость!» - счастливо запрыгала на снегу Луизетт.

Она широко улыбалась и кружилась на месте, словно милый щенок. Будто и не хмурилась вовсе!

Дом Луизетт служил также постоянным двором, хотя здесь, на склоне горы, он смотрелся скорее чьей-то усадьбой. Тут останавливались на ночь путники, следующие из королевства Галик в королевство Колом через горы Павитон.

Постоялый двор построил папа девочки. Он сложен из произрастающего на горе прочного зубчатого дуба и как следует промазан изнутри глиной. Из-за регулярно сильных ветров на Павитоне, крыша также была сбита из крепких деревянных досок.

По заверениям Луизетт, этот бревенчатый постоялый двор мог за один раз разместить на постой сотню человек. Именно сей факт вызывал у неё наибольшую гордость.

Это было самым крупным числом, что могла вообразить маленькая Луизетт. Жить в огромной гостинице, в которой могут заночевать сто человек! Да такой дом в представлении девочки ничем не уступал королевскому дворцу!

И она отнюдь не лукавила. В снежные бураны, когда путникам приходилось срочно искать укрытие, постоялый двор действительно вмещал в себя до сотни человек. Правда при этом гости вынуждены были ночевать в тесноте, буквально прижимаясь друг к другу.

Но в обычное время постояльцы заглядывали редко, поэтому места хватало. Ну а если доплатить, можно было снять и отдельную комнату. Всего таких комнат на постоялом дворе насчитывается девять, но, поскольку помимо особых ситуаций гостей останавливается немного, и те почти всегда пустуют.

Особой популярностью у путешественников традиционно пользовался куриный суп, который варила бабушка Луизетт. Вечером все рассаживались перед потрескивающим в камине огнём, макали хлеб в куриный бульон и, пока насыщались, беседовали о том о сём.

Маленькая Луизетт очень любила такие разговоры. В них говорили о ледяных вершинах крайнего севера, об огромных змеях далёких южных джунглей...

Изредка забредали странники из империи Арман и тоже производили сильное впечатление, взахлёб описывая колоссальные здания имперских храмов.

Слушая их истории, девочка чувствовала себя самой счастливой на свете.

Время от времени добросердечные дядюшки одаривали Луизетт подарками – небольшими сувенирами, что несли с собой из далёких стран – маленькими камушками, стеклянными бусами, иноземными монетками и небольшими пузырьками из фарфора.

Девочка ни капли не сомневалась, что эти предметы – величайшие драгоценности. И не выбросила ни одного, а складывала в специальную, как она говорила, «коробочку с сокровищами Луизетт».

До сего момента людей, которые видели содержимое коробочки с сокровищами Луизетт, можно пересчитать по пальцам одной руки. Этой чести удостоились самые дорогие ей люди – папа и бабушка, а также близкие друзья – Фофо, Тата и Лоло.

Фофо, Тата и Лоло являлись единокровными братьями и проживали в небольшом поселении, расположенном в долине у подножия Павитона. Фофо было шесть лет, а Тата и Лоло по пять.

Склон Павитона довольно крут, так что и жилья здесь не так много. А уж ровесников Луизетт так и вовсе практически не сыскать. Потому эти трое и стали её лучшими друзьями.

Накануне тех дней, когда она отправлялась к ним или когда те сами должны были прийти в гости, Луизетт не могла уснуть. Она так увлечённо планировала, чем они будут заниматься и во что играть, что сон к ней не шёл.

Припомнив друзей, Луизетт ненадолго отвлеклась, но теперь ещё раз протёрла глаза и уставилась на путника. Издали это не так бросалось в глаза, но сейчас она видела, что тот весьма высокого роста.

Отец Луизетт тоже был довольно высок, а путник обладал схожими габаритами. Погода, очевидно, не являлась для него привычной, поскольку он кутался в меховые одежды, на вид, довольно поношенные.

Такие странники Луизетт нравились особо. В похожих истрепавшихся одеяниях зачастую приходили люди из очень далёких мест. Кто знает, может, он уже в пути сто дней и сто ночей? Подобные дяди дарили девочке самые необычные подарки.

«Должно быть, дядя идёт с края мира! А может... может даже вручит такой подарок, который лишь на краю мира и можно увидеть!» – расфантазившись вконец, прошептала маленькими губками Луизетт.

Кстати, а что находится там, на краю мира? Правда ли, что в тех местах всё ещё обитают драконы, оставшиеся здесь лишь на страницах сказок? И какие приключения довелось пережить этому дяде?

В юном сознании один за другим возникали вопросы, и им не было видно конца.

«Здравствуй, девочка!»

«Ой, мамочки!»

Луизетт воспарила на крыльях воображения и позабыла обо всём, потому, обнаружив рядом взрослого мужчину, была ошарашена. От неожиданности она непроизвольно вскрикнула.

Широко раскрыв рот, девочка задрала голову и уставилась на говорившего.

Высокий рост, правильные черты, синяя повязка на лбу... меховое пальто и огромный посох... Да это же тот самый путник, которого она заметила ещё издалека!

<http://tl.rulate.ru/book/104928/3680434>